

в церкви, с совершенно реальным зайцем: он, «яко зайчик, под камень хронится от совы, и от серагуя, и от псов», которые так его и «нюхают».

Или другой пример. Для объяснения стихов 21—22 о «скимнах рыкающих», которые ночью ищут пищи, а днем, когда «возсия солнце, собравшаяся и в ложах своих лягут», Аввакум привлекает сагу «Физиолога» о льве, полную символических намеков и параллелей. Аввакум создает с помощью символов целую картину: «Возсия солнце праведное, и в ложах своих зверие — в темницах адовых дияволи — возлегли, страхом одержими, трепещуще». Но это сугубо символическое толкование стиха псалтыри неожиданно заканчивается апелляцией Аввакума к непосредственным наблюдениям своих читателей: «А и видимыя звери во дни том мало волочатся», — напоминает он.

Изучение символики зверей, использованной в этом сочинении, сравнение ее с народно-поэтической символикой весьма интересно для выяснения связи книжных и народно-поэтических источников некоторых представлений Аввакума, но этот вопрос выходит за пределы задач данной статьи и здесь освещен быть не может.

Известно, что Аввакум очень свободно обращался с формой толкования как определенного жанра. Уже А. К. Бороздин отмечал, что «толкования» и «беседы» Аввакума очень тесно связаны, почти неразделимы. Так, беседа об Аврааме «по форме представляется толкованием некоторых частей из послания апостола Павла галатам и римлянам», «рядом с толкованием мы находим полемику против никониан и рассуждения об антихристе».⁵⁰

Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне является одним из ярких примеров того, как Аввакум разрушал жанровые рамки.

Сочинение это экзегетическое и учительное одновременно. Толкование и беседа не только постоянно сменяют друг друга, что отмечается даже особыми замечаниями Аввакума: «Возвратимся о твари беседовать», «...прекращу беседу о сих» и т. п., но и взаимопереходят одно в другое. Толкование, содержание которого должно определяться «сущим», т. е. сообразуемым тезисом или фактом, перерастает ограниченные рамки «толка» и «превода» и превращается в рассуждение-беседу протопопа с духовными детьми на широкую тему «спасения души», сопровождаемую различными поучениями («Не спи, не спи сном лености», — обращается Аввакум к Александре Григорьевне; «Перестань-ко ты и вино попивать и мясца кушать», — поучает он ее же).

Но это соединение в одном сочинении толкования и беседы характерно и для других произведений Аввакума. Особенностью же данного толкования является то, что оно написано в форме послания совершенно конкретным лицам. Обычно Аввакум в посланиях своим приверженцам отвечал лишь на отдельные догматические или обрядовые вопросы или же посылал законченные толкования, сопровождая их отдельным письмом.⁵¹

П. С. Смирнов пишет об отправке Аввакумом «Книги бесед»: «Можно утверждать, что каждый раз несший из Пустозерска „Книгу бесед“ нес... и сопроводительное со стороны протопопа послание на имя адресата этой посылки с различными частными замечаниями и наставлениями».⁵²

⁵⁰ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум, стр. 233.

⁵¹ См. «Книгу бесед» Аввакума и его послания Морозовой, Урусовой и Даниловой, письмо инокине Мелании с сестрами (РИБ, т. 39, стлб. 393—424), а также «Книгу толкований» и письмо Симеону (там же, стлб. 563—576).

⁵² РИБ, т. 39, стр. LXXIII.